Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-96-103**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ПРЯДКИН Андрей Андреевич,
студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ 272.1 УК РФ: НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ НУЖДЫ»

Аннотация. *Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен статьей 272.1, предусматривающей ответственность за неправомерное использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а также за создание информационных ресурсов, предназначенных для её незаконного оборота.*

Применение указанной нормы ограничено примечанием 1, исключающим обработку персональных данных физическими лицами для личных и семейных нужд. В настоящее время указанная формулировка носит оценочный характер, поскольку формально содержание этого понятия не раскрыто ни в уголовном законе, ни в Федеральном законе «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (далее – Закон № 152-ФЗ).

Целью настоящего исследования является устранение правовой неопределенности, возникшей ввиду отсутствия нормативного определения понятия «личные и семейные нужды».

В статье обосновывается недопустимость использования аналогии права и аналогии закона в уголовно-правовой сфере, вследствие чего предлагаются альтернативные правовые механизмы. Автор проводит критический анализ конструкции статьи 272.1 УК РФ и генезиса примечания к ней, рассматривает опыт правового регулирования в Европейском союзе и определяет основные риски правоприменительной практики.

Ключевые слова: *компьютерная информация, киберпреступление, киберпреступность, персональные данные, неправомерный доступ к персональным данным.*

PRYADKIN Andrey Andreevich,
student at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

PROBLEMS OF APPLYING THE NOTE TO ARTICLE 272.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: UNCERTAINTY OF THE CONCEPT OF 'PERSONAL AND FAMILY NEEDS'

Annotation. *By Federal Law No. 421-FZ dated November 30, 2024, the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code) was supplemented with Article 272.1, which provides for liability for the unlawful use, transfer, collection and storage of computer information containing personal data, as well as for the creation of information resources intended for its illegal circulation.*

The application of this provision is limited by Note 1, which excludes the processing of personal data by individuals for personal and family needs. Currently, this formulation is of an evaluative nature, since the formal content of this concept is not defined either in the criminal law or in the Federal Law "On Personal Data" dated July 27, 2006, No. 152-FZ (hereinafter referred to as Law No. 152-FZ).

The purpose of this study is to eliminate the legal uncertainty that has arisen due to the absence of a regulatory definition of the concept of "personal and family needs".

The article substantiates the inadmissibility of using legal analogy and statutory analogy in the criminal law sphere, as a result of which alternative legal mechanisms are proposed. The author conducts a critical analysis of the structure of Article 272.1 of the Criminal

Code of the Russian Federation and the genesis of the note to it, examines the experience of legal regulation in the European Union, and identifies the main risks associated with law enforcement practice.

Key words: *computer information, cybercrime, cybercriminality, personal data, unlawful access to personal data.*

Статья 272.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за неправомерное использование, передачу, сбор и хранение персональных данных, полученных в результате несанкционированного доступа к средствам обработки информации. Часть 2 предусматривает ужесточение санкций при работе с данными несовершеннолетних, биометрией или специальными категориями сведений. Часть 3 определяет квалифицирующие признаки, включая корыстный мотив, крупный ущерб, предварительный сговор и использование служебного положения. В частях 4 и 5 регламентирована ответственность за трансграничную передачу данных, наступление тяжких последствий, а также совершение правонарушений организованной группой. Часть 6 касается создания и обеспечения функционирования информационного ресурса, целевым назначением которого является незаконное хранение и передача персональных данных.

Анализ диспозиции статьи позволяет сделать вывод, что предметом преступного посягательства выступает информация, полученная неправомерным способом. Формулировка «иным незаконным путём» носит оценочный характер ввиду отсутствия нормативного определения. В ходе исследования не выявлено разъяснений высшей судебной инстанции по статье 272.1 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 было принято до вступления в силу данной нормы и затрагивает исключительно положения статей 272, 273, 274, 274.1 и 274.2 УК РФ.

К статье 272.1 УК РФ предусмотрены следующие примечания:

«1. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи обработки персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд.

2. Под трансграничным перемещением носителей информации, содержащих указанную в настоящей статье компьютерную информацию, в настоящей статье понимается совершение действий по ввозу на территорию Российской Федерации и (или) вывозу с территории Российской Федерации машиночитаемого носителя информации (в том числе магнитного и электронного), на который осуществлены запись и хранение такой информации».

Таким образом, законодатель определил узкий технический термин, но не определил понятие, от которого зависит применимость всей статьи.

Данная формулировка коррелирует с пунктом 1 части 2 статьи 1 Закона № 152-ФЗ, однако в последнем предусмотрена оговорка об отсутствии нарушений прав субъектов персональных данных, которая отсутствует в уголовно-правовой норме. Расширительное толкование в данном случае недопустимо, поскольку, согласно части 1 статьи 3 УК РФ, преступность деяния определяется исключительно положениями УК РФ, и введение дополнительного условия необоснованно расширило бы круг криминализуемых деяний.

Действия, регламентированные статьей 272.1 УК РФ (сбор, хранение, использование, передача), соответствуют формам обработки, определенным в пункте 3 статьи 3 Закона № 152-ФЗ.

Примечание 1 выступает одним из трёх ограничителей ответственности. Первый ограничитель — предмет преступления, подразумевающий незаконный способ получения информации. Второй — вина: конструкция части 1 статьи 272.1 УК РФ исключает неосторожную форму вины, что квалифицирует деяние как совершенное исключительно с прямым умыслом. Наличие умысла предполагает осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия), включая осведомленность о незаконном происхождении информации. Лица, не обладающие данной информацией, не подлежит ответственности и без учета примечания. Третьим же ограничителем является непосредственно примечание, применяемое в случаях, когда лицо осведомлено о незаконном происхождении данных, однако использует их для личных нужд. Именно в данной области разграничение категории «личные нужды» являются определяющим

фактором при квалификации деяния в качестве преступного.

Таким образом, применение примечания имеет решающее значение для оценки общественной опасности деяния. Все деяния, предусмотренные статьей 272.1 УК РФ, связаны с использованием информации незаконного происхождения. В то же время, поскольку примечание не содержит требования о подтверждении законности источника получения данных, его буквальное толкование фактически освобождает от ответственности лицо, использующее такую информацию исключительно для собственных нужд, вне зависимости от факта получения доступа к ней неправомерным путем. Границы данного освобождения зависят исключительно от интерпретации понятия «личные и семейные нужды», содержание которого законодательно не конкретизировано.

Исключение, предусмотренное для личных и семейных нужд, основано на конституционных нормах о неприкосновенности частной жизни. Статьи 23 и 24 Конституции Российской Федерации закрепляют право на личную и семейную тайну, а также устанавливают запрет на сбор, хранение и распространение сведений о частной жизни лица без его согласия.

В сфере регулирования персональных данных возникает конфликт законных интересов: права на частную жизнь, включающего хранение данных о третьих лицах (адресная книга, семейный архив, переписка), и необходимости защиты субъекта данных от неправомерной обработки информации.

Баланс данных интересов обеспечивается законодателем. Часть 3 статьи 55 Конституции допускает ограничение прав и свобод исключительно федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты прав и законных интересов иных лиц.

Уголовная ответственность представляет собой наиболее строгую меру принуждения, в связи с чем грань, отделяющая частную жизнь лица от противоправного посягательства на интересы других граждан, должна быть четко регламентирована законодательно, исключая возможность судейского усмотрения.

Целесообразно квалифицировать примечание 1 как отрицательный признак состава преступления: деяние, предусмотренное статьей 272.1 УК РФ, является наказуемым лишь в случаях, когда обработка данных осуществлялась вне рамок личных и семейных нужд. Данный подход влечет два ключевых следствия. Во-первых, наличие либо отсутствие указанного признака является элементом предмета доказывания, при этом обязанность по опровержению заявленной личной цели возлагается на сторону обвинения в соответствии с требованиями часть 2 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Во-вторых, содержание данного признака требует аналогичной степени конкретизации, что и положительные элементы состава преступления, поскольку от этого напрямую зависит квалификация деяния.

Закон № 152-ФЗ не содержит определения «личные и семейные нужды».

Правоприменительная практика по статье 272.1 УК РФ находится на стадии формирования: норма вступила в силу 11 декабря 2024 г. В ходе анализа автором не было выявлено опубликованных судебных актов, содержащих применение или толкование примечания 1.

Если в гражданском и административном праве содержание понятий может определяться исходя из обстоятельств дела, то в уголовном праве это недопустимо в силу части 2 статьи 3 УК РФ, запрещающей применение уголовного закона по аналогии. Толкование направлено на раскрытие заложенного в норме смысла, тогда как аналогия предполагает распространение правил одной отрасли права на иные правоотношения. Отсутствие в уголовном законодательстве четкого критерия разграничения преступных и непреступных деяний делает невозможным заимствование определений из гражданского или потребительского права, так как это фактически является применением закона по аналогии.

Проблема заключается в отсутствии законодательного определения понятия «личные и семейные нужды», что препятствует четкой дифференциации преступного и непреступного поведения и исключает возможность восполнения пробела без применения аналогии. Вследствие этого правоприменитель вынужден трактовать данные границы по собственному усмотрению, при том, что Федеральный закон № 152-ФЗ, являющийся источником заимствования данного термина, также не содержит его дефиниции.

Аналогичное исключение предусмотре-

но подпунктом «c» пункта 2 статьи 2 Регламента (ЕС) 2016/679 (GDPR) (далее – Регламент) в отношении обработки персональных данных физическим лицом исключительно для личных или бытовых нужд. Согласно пункту 18 преамбулы данная деятельность не должна носить профессиональный или коммерческий характер. Ни Регламент, ни предшествующая ему Директива 95/46/ЕС не содержали дефиниции указанных понятий, поэтому критерии их применения были установлены судебной практикой Европейского союза (далее – ЕС). В частности, в деле Lindqvist Суд ЕС постановил, что размещение информации на интернет-сайте не подпадает под действие данного исключения. В рамках дела Rynель суд подчеркнул необходимость узкого толкования данной нормы, исключив возможность ее применения к видеонаблюдению, охватывающему общественные пространства.

На основании данной практики можно выделить ключевые признаки разграничения личной и профессиональной сфер: открытый доступ к данным для неограниченного круга лиц, выход за рамки частного использования и наличие связи с коммерческой деятельностью.

Российские правоприменительные органы не могут использовать данные положения: практика Суда ЕС сужает сферу исключений в режиме защиты персональных данных, а аналогичное сужение в уголовном праве повлекло бы расширение состава наказуемых деяний, что противоречит статье 3 УК РФ. Однако для законодателя данный механизм выступает значимым ориентиром. Следует также принимать во внимание терминологические расхождения: в Регламенте личная деятельность прямо обусловлена отсутствием коммерческой составляющей, в то время как российское законодательство не содержит аналогичного уточнения.

Содержание понятия «личные и семейные нужды» базируется на четырех критериях. Целевой критерий предполагает, что обработка данных направлена на удовлетворение бытовых потребностей субъекта или его семьи, что соотносится с понятием «исключительно личных нужд», однако сложность доказывания при смешанных мотивах ограничивает его применение. Критерий круга лиц ограничивает доступ к данным самим субъектом и его близким окружением. Данный подход объективен, но требует четкой правовой регламентации состава лиц. Критерий некоммерческого характера исключает связь с профессиональной деятельностью и получение выгоды, однако само по себе отсутствие прибыли не является исчерпывающим условием для квалификации обработки как личной. Критерий масштаба и систематичности разграничивает единичное хранение и формирование массивов данных о неопределенном круге лиц, при этом установление жестких количественных порогов в уголовном законодательстве сопряжено с риском правовой неопределенности.

Термин «исключительно» подразумевает, что личные и семейные потребности должны выступать единственным основанием для обработки данных. В случае наличия иных целей, например, если информация, изначально собранная для бытовых нужд, в дальнейшем передается на возмездной основе — данное исключение утрачивает силу. Определение момента возникновения дополнительной цели на практике зачастую сопряжено с существенными сложностями при квалификации обстоятельств дела.

Круг лиц целесообразно определять на основании положений уголовно-процессуального законодательства: пункт 4 статьи 5 УПК РФ относит к близким родственникам супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и родных сестёр, дедушку, бабушку и внуков. Использование указанного перечня при корректировке примечания не является аналогией, поскольку соответствующие признаки закрепляются непосредственно в тексте уголовного закона, либо в нём содержится прямая отсылка к статье 5 УПК РФ. Данный подход обеспечивает правовую определенность для трактовки «семейных» нужд, в то время как определение «личных» нужд по-прежнему требует законодательной конкретизации.

Ввиду недостаточности каждого отдельного критерия эффективная классификация достижима исключительно путем комплексного применения совокупности признаков, регламентированных нормами законодательства.

Неопределенность трактовки данного понятия влечет за собой два ключевых риска.

Первый риск связан с уходом от ответственности. Получатель незаконно приобретенных данных может заявить об их использовании исключительно в личных целях. В

качестве примера можно привести практику использования ботов для «пробива», где сбор сведений для личного пользования фактически не влечет наказания. Согласно части 3 статьи 49 Конституции Российской Федерации, неустранимые сомнения в виновности должны трактоваться в пользу обвиняемого. Поскольку цель обработки является субъективным фактором, устанавливаемым на основании косвенных доказательств (переписка, объем данных, платежные операции), отсутствие четких правовых критериев приводит к разрозненным оценкам схожих правонарушений.

Второй риск заключается в необоснованном расширении практики уголовного преследования. Отсутствие нормативного определения термина «иным незаконным путем» создает предпосылки для расширительного толкования данной формулировки как получения сведений без согласия субъекта, что является нарушением статьи 6 Закона № 152-ФЗ.

При подобной интерпретации под действие части 1 статьи 272.1 УК РФ формально подпадают бытовые правоотношения. Ограничительная функция предмета преступления нивелируется, в связи с чем ключевым барьером остается примечание 1, тогда как наступление вреда, согласно правовой позиции, для квалификации деяния не требуется.

В научной литературе правовая природа примечания 1 к статье 272.1 УК РФ трактуется неоднозначно. Е.А. Русскевич интерпретирует данную норму как универсальный критерий малозначительности: по мнению автора, законодатель исключил из сферы уголовной репрессии обработку персональных данных для личных и семейных нужд ввиду отсутствия общественной опасности, при этом ключевыми признаками правомерности действий выступают отсутствие их систематического и возмездного характера. Г.А. Есаков, признавая, что примечание устраняет преступность деяния, характеризует его правовую природу как неопределенную, выдвигая предположение о его статусе как lex specialis в дополнение к Закону № 152-ФЗ, и указывает на то, что границы применения нормы будут установлены правоприменительной практикой.

В данной статье примечание рассматривается как отрицательный признак состава преступления, определяющий сферу применения статьи 272.1 УК РФ.

Примечание выступает в качестве уголовно-правового аналога исключения, закрепленного в пункте 1 части 2 статьи 1 Закона № 152-ФЗ, и относится к вопросу о применимости правового режима, а не к индивидуальной оценке общественной опасности деяния. Различие подходов заключается в том, что в настоящей работе устанавливается место нормы в структуре состава, в то время как Г.А. Есаков акцентирует внимание на ее последствии — устранении преступности деяния. Данная позиция аргументируется следующими доводами. Во-первых, формулировка примечания ограничивает действие статьи («действие настоящей статьи не распространяется»), тогда как понятие малозначительности согласно части 2 статьи 14 УК РФ подразумевает формальное наличие признаков состава. Во-вторых, малозначительность подлежит оценке в каждом конкретном случае, тогда как примечание исключает целую категорию действий. Исчерпывающий перечень критериев малозначительности, как справедливо отмечает Е.А. Русскевич, сформулировать невозможно. В-третьих, при отождествлении с малозначительностью примечание в значительной мере дублирует общее правило части 2 статьи 14 УК РФ. В пользу различения этих институтов свидетельствует и подход Г.А. Есакова, рассматривающего часть 2 статьи 14 и статью 39 УК РФ в качестве самостоятельных правовых оснований. Кроме того, признаки, положенные в основу примечания (круг лиц, целевая направленность, систематичность, возмездность), находят более логичное объяснение при условии, что оно определяет сферу действия статьи.

Практическая значимость данного выбора заключается в том, что при квалификации примечания как критерия малозначительности его применение остается предметом судейского усмотрения, тогда как при рассмотрении в качестве признака состава преступления законодатель обязан обеспечить его четкую регламентацию, сопоставимую с позитивными признаками (статья 3 УК РФ). Обе позиции обуславливают необходимость формирования объективных критериев. Е.А. Русскевич называет систематичность и возмездность, Г.А. Есаков предлагает ориентироваться на принадлежность данных членам семьи или родственникам.

Институт малозначительности не явля-

ется полноценной альтернативой данному барьеру, поскольку применяется постфактум, не исключает уголовного преследования в полном объеме и направлен на оценку общественной опасности, а не на разграничение частной и профессиональной сфер деятельности.

Определение границ личных нужд также имеет принципиальное значение для разграничения с положениями статьи 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) и статьи 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (нарушение законодательства о персональных данных).

Показательным примером выступает модель работы мобильного приложения GetContact, позволяющая пользователям отслеживать варианты записи их номера в адресных книгах третьих лиц. Функционал сервиса базируется на получении доступа к списку контактов пользователя с последующим копированием персональных данных третьих лиц. При этом согласие на обработку данных предоставляется исключительно пользователем приложения, без получения разрешения самих субъектов персональных данных. Сформированная база зачастую используется оператором в коммерческих целях.

В период 2018–2020 гг. Роскомнадзор проводил проверку сервиса, отметив сомнительный характер такой модели обработки; однако вопрос был урегулирован не через оценку правомерности самой бизнес-модели, а путем локализации баз данных на территории Российской Федерации и декларирования технической возможности уведомления лиц, не пользующихся данным сервисом.

В контексте применения статьи 272.1 УК РФ данный пример иллюстрирует два ключевых обстоятельства.

Во-первых, квалификация правомерности сбора данных оператором осложняется оценочным характером формулировки «иным незаконным путём»: в законодательстве отсутствует прямое определение того, является ли получение номеров третьих лиц без их согласия незаконным. Исключение, предусмотренное примечанием 1, неприменимо к оператору в связи с тем, что оно распространяется исключительно на физических лиц, действующих в личных целях, в то время как сервис преследует коммерческие интересы.

Во-вторых, поскольку пользователь получает доступ к списку контактов на законных основаниях, его действия едва ли подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 272.1 УК РФ, а применение примечания 1 становится актуальным лишь при расширительном толковании понятия незаконности. Решение данных вопросов выходит за рамки текущих нормативных критериев. Настоящий анализ носит сугубо теоретический характер и не является правовой оценкой деятельности конкретного сервиса, выступая лишь в качестве модели ситуации, при которой согласие на обработку данных получено от одного субъекта, а фактически обрабатываются сведения о множестве лиц.

На основании вышеизложенного предлагается:

1. Закрепить в примечании 1 критерии личных и семейных нужд: отсутствие цели извлечения имущественной (материальной) выгоды; отсутствие доступа к данным у лиц, кроме членов семьи и близких родственников обрабатывающего данные физического лица; отсутствие систематизации массивов данных, предназначенных для публичного доступа или коммерческого использования.

2. Исключить применение примечания в отношении данных, полученных в результате неправомерного доступа к компьютерной информации (статья 272 УК РФ), во избежание легитимизации противоправных способов получения сведений; при этом для прочих случаев «иного незаконного пути» исключение следует сохранить, чтобы не допустить утраты регулятивного смысла нормы в контексте статьи 272.1 УК РФ.

3. Закрепить соотношение примечания и оговорки, содержащейся в пункте 1 части 2 статьи 1 Закона № 152-ФЗ, касающейся соблюдения прав субъектов персональных данных, с целью исключения субъективного усмотрения правоприменителя.

Разъяснения Пленума носят вспомогательный характер: они могут определить вектор толкования, но не могут устанавливать признаки, отсутствующие в нормативном акте, поскольку это означало бы подмену функций законодателя судом, что противоречит статье 10 Конституции Российской Федерации и части 1 статьи 3 УК РФ. Следовательно, приоритетным способом устранения данного пробела является корректировка примечания. Отмена примечания не

является решением проблемы, поскольку это повлекло бы криминализацию любого бытового хранения данных, полученных неправомерным путем, что несоразмерно конституционным гарантиям защиты частной жизни.

Предлагается изложить примечание 1 в следующей редакции: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи обработки персональных данных физическим лицом исключительно для личных и семейных нужд, подразумевающих отсутствие целей извлечения имущественной (материальной) выгоды, предоставление доступа к данным исключительно членам семьи и близким родственникам, а также отсутствие систематического формирования массива данных, доступного неопределенному кругу лиц или используемого в коммерческих целях, при условии, что данные не были получены вследствие неправомерного доступа к компьютерной информации». Альтернативным вариантом является формулировка от противного, определяющая обстоятельства, при которых данное исключение не применяется. Данный подход является более предпочтительным, нежели использование примерного перечня с оборотом «в частности», поскольку позволяет избежать правовой неопределенности.

Заключение

Примечание 1 к статье 272.1 УК РФ содержит оценочную категорию, лишенную легального определения и устоявшейся судебной практики. В отличие от исходного положения Закона № 152-ФЗ данная норма не включает оговорку о соблюдении прав субъектов персональных данных, при этом диспозиция статьи опирается на информацию неправомерного происхождения, вследствие чего правовой статус исключения напрямую зависит от трактовки понятия «личные и семейные нужды».

Восполнение данного пробела путем толкования недопустимо ввиду запрета на применение аналогии, а правовые подходы ЕС носят исключительно рекомендательный характер. Существующая неопределенность создает предпосылки как для избежания ответственности, так и для необоснованного правового преследования, что подтверждается прецедентом GetContact. Внедрение предложенных квалифицирующих признаков и регламентация статуса данных, полученных в результате неправомерного доступа, позволят устранить выявленный правовой пробел.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.09.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ст. 272.1 (введена Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deefead19003ba8266e85fbf42fc31f60ed3c698/ (дата обращения: 18.09.2026).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 18.09.2026).

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 18.09.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 18.09.2026).

[6] Решение Суда Европейского союза от 6 ноября по делу C-101/01 // Lindqvist. – 2003.

[7] Решение Суда Европейского союза от 11 декабря 2014 г. по делу C-212/13 // Frantiļek Rynell v Ťřad pro ochranu osobnnch ťdajů. ECLI:EU: C:2014:2428.

[8] Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных (GDPR): подп. «c» п. 2 ст. 2, п. 18 преамбулы. // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (дата обращения: 18.09.2026).

[9] Есаков Г.А. Незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // «Уго-

ловное право». – 2025. – № 11. С. 9-17.

[10] Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовой охраны персональных данных (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ). // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/480977739/?ysclid=mw3l9udzkg847791262 (дата обращения: 18.09.2026).

[11] Русскевич Е.А. Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // «Уголовный процесс». – 2025. – № 7. URL: https://e.ugpr.ru/1142447 (дата обращения: 18.09.2026).

[12] Терских А.И. Неправомерный доступ к компьютерной информации: вопросы правоприменения // «Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2026. – № 4. С. 97-107.

[13] Филатова М.А. (Не)ожидаемая криминализация незаконного оборота персональных данных: вопросов больше, чем ответов // «Закон». – 2025. – № 1. С. 147-153.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: September 18, 2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996. Art. 272.1 (introduced by Federal Law No. 421-FZ of November 30, 2024) // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deefead19003ba8266e85fbf42fc31f60ed3c698/ (accessed: September 18, 2026).

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: September 18, 2026).

[4] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, «On Personal Data» // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: September 18, 2026). [5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022, No. 37 «On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Involving Crimes in the Sphere of Computer Information, as well as Other Crimes Committed Using Electronic or Information-Telecommunication Networks, Including the Internet» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (accessed: September 18, 2026).

[6] Judgment of the Court of Justice of the European Union of November 6, 2003, in Case C-101/01 // Lindqvist.

[7] Judgment of the Court of Justice of the European Union of December 11, 2014, in Case C-212/13 // Frantiļek Rynelь v Ъřad pro ochranu osobnнch ъdajů. ECLI:EU:C:2014:2428.

[8] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of April 27, 2016, on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (GDPR): Article 2(2)(c), Recital 18 // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (accessed: September 18, 2026).

[9] Esakov G.A. Unlawful Trafficking of Personal Data (Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // «Criminal Law» («Ugolovnoe pravo»). – 2025. – No. 11. pp. 9–17. [10] Ermolovich Ya.N. Improving the Criminal Law Protection of Personal Data (A Scientific and Practical Commentary on Federal Law No. 421-FZ of November 30, 2024, «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation»). // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/480977739/?ysclid=mw3l9udzkg847791262 (accessed: September 18, 2026).

[11] Russkevich E.A. On Criminal Liability for Unlawful Actions Involving Computer Information Containing Personal Data // «Criminal Procedure» («Ugolovny protsess»). – 2025. – No. 7. URL: https://e.ugpr.ru/1142447 (accessed: September 18, 2026).

[12] Terskikh A.I. Unlawful Access to Computer Information: Issues of Law Enforcement // «Electronic Supplement to the Russian Law Journal» («Elektronnoye prilozheniye k 'Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu'»). – 2026. – No. 4. pp. 97–107.

[13] Filatova M.A. The (Un)expected Criminalization of the Illicit Trafficking of Personal Data: More Questions Than Answers // «Law» («Zakon»). – 2025. – No. 1. pp. 147–153.